

УДК 80

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПЕТРА I В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ПЕТР И АЛЕКСЕЙ»

Зубченко Виолетта Вадимовна

магистрант

Кубанский государственный университет, Краснодар

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье рассматривается художественная концептуализация личности Петра I в романе Д. С. Мережковского «Петр и Алексей», где автор впервые за всю историю изображает первого российской императора разносторонне: впервые в русской литературе Петру I дается не только положительная, но и негативная характеристика.

Ключевые слова: концепция личности; научная концепция; идеализация личности; документальная основа; критическое художественное изображение.

ART CONCEPTUALISATION OF PETER I IN D.S. MEREZHKOVSKY'S NOVEL «PYOTR AND ALEXEY»

Zubchenko Violetta Vadimovna

undergraduate

Kuban state university, Krasnodar

Abstract. In article art conceptualization of the identity of Peter I in the novel D.S. Merezhkovsk «Petr and Alexey» where the author for the first time for all history represents the first Russian the emperor versatily is considered: for the first time in the Russian literature to Peter I it is given not only the positive, but also negative characteristic.

Key words: concept of the personality; scientific concept; idealization of the personality; documentary basis; critical art image characteristic.

Ранние опыты Д.С. Мережковского как поэта и публициста были связаны с либеральным народничеством. На него оказали влияние также идеи славянофилов: Федора Михайловича Достоевского и Владимира Соловьева. В 1892 году Мережковский издает книгу «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы», которая является одним из первых теоретических обоснований русского литературного декадентства, а затем теоретической программой символизма. В этой работе Д.С. Мережковский отмечает обострение борьбы между наукой и верой, борьбу двух взглядов на жизнь. По его мнению, «только вернувшись к Богу, мы вернемся к своему народу, к своему великому христианскому народу». В результате напряженного внимания к нравственно-религиозной проблематике Д.С. Мережковский в начале 1900-х годов становится одним из представителей «нового религиозного сознания», или «богоискательства». Он хотел бы слить в одно целое три понятия - народ, религия и революция. Будущее России он видел в «единстве религиозного и революционного движения». Но в то же время он требовал отказа от реальной, «эмпирической» революции в пользу «революции мистической», которая должна была привести к религиозному возрождению, русские люди снова сделаются русскими, т.е. такими, которые не хотят жить, не отыскав религиозного смысла жизни» [1, с. 12].

Появление замысла трилогии «Христос и Антихрист» относится к 1890 году. Работать над третьей частью «Петр и Алексей» Мережковский начинает в 1899 году. Трилогия Д.С. Мережковского должна пониматься в двух планах – историческом и религиозно-мистическом. В предисловии к своему собранию сочинений Д.С. Мережковский писал: «Трилогия «Христос и Антихрист» изображает борьбу двух начал во всемирной истории» [2, с. 8]. По Д.С. Мережковскому, вечная борьба Христа и Антихриста особенно обостряется в кульминационные моменты истории, и души его главных героев представляют собой арену этой борьбы, как борьбы христианства и язычества.

Третья часть была напечатана в 1904 году в журнале «Новый путь», получила она название «Антихрист. Пётр и Алексей», через некоторое время слово «антихрист» убрали. Мистицизм романа «Петр и Алексей» проявляется в самом названии: «Антихрист (Петр и Алексей)», в проекции зла на отношения между Петром I и царевичем Алексеем. Д.С. Мережковский вводит в роман мистические темы и образы. Это темы конца света, места России в мировом процессе, Петербурга как загадки русской истории; образы черного неба, шторма на Балтийском море, кометы, грозы как признаков приближения апокалипсиса. Однако основное содержание романа – это подлинные исторические события, подлинная история петровской эпохи. Д.С. Мережковский глубоко и разносторонне изучил события тех времен по документальным источникам и колоритно показал их в романе. Как отмечает З. Гиппиус, «ко всякой задуманной работе он относился с серьезностью, я бы сказала, ученого. Он исследовал предмет, свою тему со всей возможной широтой... Повторяю, более всестороннего и тщательного исследования темы, будь то роман или не роман, – трудно было у кого-нибудь встретить» [3, с. 60-61].

В четырехтомном собрании сочинений Мережковского в 1990 году, Е. Любимова писала: «В романе «Петр и Алексей» Мережковский использует излюбленную схему: противоборство двух начал - Христа и Антихриста. Но если в душе Леонардо Антихрист только пытался бороться с Христом, то в душе Петра Антихрист торжествует. Петр Великий отходит далеко на задний план и на авансцену выходит Петр-Антихрист, губитель русской церкви, палач, собственноручно рубящий головы стрельцам, замучивший почти до смерти родного сына, потехи ради издевающийся над людьми, распутник, пьяница и сквернослов. Взгляд Мережковского на Петра грешит односторонностью... Можно ли согласиться с таким взглядом?» [4, с. 762]. Отсюда делается вывод, что в романе Д. Мережковского отвергаются петровские преобразования, утверждается их тщетность, чуждость России. Но такая оценка противоречит

самому тексту романа: в романе осуждаются не прогрессивные реформы Петра, а самовластие, жесткость, произвол, устами героев в романе предрекается гибель самодержавия, гибель династии Романовых как олицетворения царского деспотизма и произвола. Осуждаются и деспотические методы реформ: кнут, дыба, топор.

Несмотря на свои религиозно-мистические взгляды, Мережковский как большой художник, глубокий знаток русской истории XVII-XVIII веков разноаспектно и колоритно показал на страницах своего романа петровскую эпоху, глубоко и ярко раскрыл характер Петра I и его сына Алексея. В отличие от хрестоматийной традиции XVIII-XIX веков он впервые в русской художественной литературе ярко показал и негативные стороны петровских преобразований. Критический взгляд на Петра I и его преобразования у Мережковского формировался в значительной степени под влиянием научной переоценки личности Петра в конце XIX – начале XX столетий.

Петр I, как показывает Д.С. Мережковский, со всей серьезностью занимался не только важными делами, но и всякого рода шутовскими маскарадами: *«Недавно умер царский карлик. В тот день назначены были похороны – одно из тех шутовских маскарадных шествий, которые так любил Петр. Катенька убеждала его отложить на завтра похороны, и сегодня больше никуда не ездить, отдохнуть. Но Петр не послушался, велел бить в барабаны, выкинуть флаги для сбора, поспешно, как будто для самого важного дела, собрался, нарядился в полутраурное, полумаскарадное платье и поехал...»*.

Детально изобразив это шутовское маскарадное шествие, писатель подчеркивает негативное впечатление, которое оно произвело на очевидцев: *«В мутно-желтом тумане, в мутно-красном свете факелов, от которого бегали чудовищные тени гигантов и карликов, само это шествие казалось нечистой силою, петербургскою нежитью...*

- *Быть худу, быть худу, – повторяли все.*
- *Питербурху пустеть будет!*

*– Не одному Питербурху – всему миру конец! Светопреставление!
Антихрист!...*

А царь все шагал да шагал по грязи и бил в барабан, заглушая унылое пение: Со святыми упокой. Вечная память!» [2, с. 312- 313].

Этот день Петра Великого, насыщенный многими делами, писатель завершает размышлениями самодержца о том, как поступить с возвращающимся сыном: «Когда сын вернется, что с ним делать? «Убить!» – в ярости думал он прежде, когда не надеялся на возвращение. Но теперь, когда знал, что вернется, – ярость потухла, и он спрашивал себя впервые, спокойно, разумно: что делать?

Вдруг вспомнил слова свои в первом письме, отправленном в Неаполь с Толстым и Румянцевым: «обещаюсь Богом и судом Его, что никакого наказания не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели возвратишься».

Теперь, когда сын поверил этой клятве, она приобретала страшную силу.

Но как исполнить ее?

Простить сына не значит ли простить и всех остальных, таких же, как он, изменников, злодеев царю и отечеству?

Все людишки негодные, взяточники, воры, тунеядцы, ханжи, лицемеры, длинные бороды соединятся с ним и в такое бесстрашие придут, что никакой грозы на них не будет. Учинят всему государству падение конечное. И ежели сын над отцом надругается так, при жизни его, то что же будет после смерти? Все разорит, расточит, не оставит камня на камне, погубит Россию!

Нет, хотя б и клятву нарушить, а нельзя простить.

Значит, опять – розыск, опять – пытки, костры, топоры, плахи и кровь?

Вспомнилось ему, как однажды, во время стрелецких казней, когда он ехал верхом на Красную площадь, где в тот же день должно было

пасть более трехсот голов, – вышел к нему навстречу патриарх с чудотворной иконой Божией Матери просить о пощаде стрельцов. Царь поклонился иконе, но патриарха отстранил рукою гневно и сказал: «Зачем пришел сюда? Я Матерь Божию чту не меньше твоего. Но долг велит мне добрых миловать, а злых казнить. Ступай же прочь, старик! Я знаю, что делаю».

Патриарху сумел ответить, но как-то ответить Богу?

И представился ему, как в видении, бесконечный ряд голов, лежащих у Лобного места, на длинном бревне, вместо плахи, затылками вверх, лицами вниз - русые, рыжие, черные, седые, лысые, кудрявые. Навеселе, только что с попойки, вместе с Данилычем и прочими гостями, он ходит с топором в руках, засучив рукава, как палач, и рубит одну за другой эти головы...

«Убить сына» – только теперь понял он, что это значит.

Почувствовал, что это самое страшное, самое важное во всей его жизни - важнее, чем Софья, стрельцы, Европа, наука, армия, флот, Петербург, Полтава; что тут решается вечное: на одну чашу весов положится все, что он сделал великого, доброго, на другую - кровь сына – и как знать, что перевесит? Не померкнет ли вся его слава от этого кровавого пятна? Что скажет Европа, что скажет потомство о клятвопреступнике, сыноубийце?...

И перед Богом может ли человек, хотя б и за благо отечества, взять на душу такой грех, как пролитие крови от крови своей?» [2, с. 313-315].

Как видим, в размышлениях самого Петра писатель поднимает вопрос о том, оправдывают ли все преобразования самодержца его клятвопреступничество и сыноубийство?

Петр в изображении Мережковского мучительно ищет ответа: *«Но что же, что делать? Простить сына - погубить Россию; казнить его – погубить себя».* Он чувствовал, что этого никогда не решит.

«Он упал лицом на пол и долго лежал так, распростертый, недвижимый, как мертвый.

Наконец, опять поднял взор на икону...

– Да падет сия кровь на меня, на меня одного! Казни меня. Боже, – помилуй Россию!» [2, с. 313-317].

Как видим, Д.С. Мережковский глубоко понимал историческую ситуацию, в которой самодержец принимает решение убить сына. Но писатель в то же время показывает, что решение убить сына Петр уже принял до того, как в письме ему обещал прощение. И царь, обращаясь к Богу, мучительно ищет оправдания своему клятвопреступничеству и предстоящему сыноубийству.

Если в первой части романа под названием «Петербургская Венера» в характеристике Петра сочетаются негативные штрихи с положительными, то вторая часть называется «Антихрист». В этой части усиливается негативное изображение Петра I и его эпохи. Главная коллизия романа – это противостояние отца и сына, которая заканчивается убийством последнего. Царевич, как показывает Мережковский, любит отца, готов всем ради него пожертвовать. Но от отца веет холодом.

Решительно осуждает Алексей царя-самодержца за то, что он подчинил своей власти церковь, которая превратилась в холопскую прислужницу: *«Древле цари патриархам земно кланялись. Ныне же местоблюститель патриаршего престола грамотки свои царю подписывает: «Вашего Величества раб и подножие, смиренный Стефан, пастушок рязанский». Глава церкви стала подножием ног государевых, вся церковь – холопскою...»* [2, с. 451].

Критически оценивает царевич указы самодержца о нищих: *«Нищих брать за караул, бить батожем нещадно и ссылать на каторгу, чтоб хлеб не даром ели»* [2, с. 454]. Петр I, как видим, задолго до советской эпохи воплотил в жизнь лозунг: «Кто не работает, тот не ест».

Но главное, как показывает Д.С. Мережковский, что образовало пропасть между сыном и отцом, это его разговор с царем-самодержцем об угнетении народа. Всецело отдаваясь своему делу – преобразованию России в великую империю, Петр считал, что и все другие должны беспрекословно жертвовать собой ради этого дела. Писатель подчеркивает, что деспотизм Петра-самодержца не знал пределов. Он намеренно и собственноручно убивает сына. Чтобы оправдать своё решение казнить сына, Пётр обращается за поддержкой к архиереям. Но архиереи ответили: *«Сие дело весьма есть гражданского суда, а не духовного, и власть превысочайшая суждению подданных своих не подлежит, но творит, что хочет, по своему усмотрению, без всякого совета степеней низших...»* [2, с. 402-404]. На главный вопрос государя – о клятве, данной сыну, простить его, во всяком случае – отцы не ответили вовсе.

Обращение царя к архиереям и их ответ строго документирован. Комментируя их, Д.С. Мережковский подчеркивает: *«Петр, когда читал это рассуждение, испытывал жуткое чувство: словно то, на что он хотел опереться, провалилось под ним, как истлевшее дерево. Он достиг того, чего сам желал, но, может быть, слишком хорошо достиг: церковь покорилась царю так, что ее как бы не стало вовсе; вся церковь – он сам...»* [2, с. 404]. Не получив благословения церкви на казнь сына, Петр поручает это сделать Верховному суду.

Обречённый на верную смерть, царевич у Д.С. Мережковского, превращается из слабого, запуганного в смелого обличителя и пророка грядущих бедствий для династии Романовых. Царь не решается официально казнить царевича. Его обрекают на смерть под пытками, в которых непосредственно участвует сам царь.

В документах нет точных свидетельств, что Петр собственноручно добивает сына в застенке. Однако, по свидетельству историков, царь сам часто бывал в пыточной и допрашивал обвиненных. По мнению Д.С. Мережковского Петр не мог не участвовать в пытках царевича. По-

сле собственноручных царских истязаний сын умирает даже без причащения. В период похорон царевича увеселительные празднества не отменили вопреки христианским канонам.

Пётр-самодержец у Д.С. Мережковского остаётся Великим и после казни сына. Но это не значит, что с него снимается грех сыноубийства. Будучи великим, Петр I несет ответственность у Мережковского и за все другие кровавые грехи, связанные с его жестоким самодержавным самовластием. Уверенности самодержца в своей правоте противостоит и символическая картина природы: кровавое море, наступившие мрак и буря.

На сегодняшний роман Д.С. Мережковского «Петр и Алексей» становится весьма актуальным и заслуживает разностороннего объективного исследования. Он был написан гражданином России, которого волновала судьба России, которая в начале XX столетия из-за царского самовластия оказалась на грани распада.

Список использованных источников

1. Михайлов О. Пленник культуры (о Д.С. Мережковском и его романах). Т. 1. М., 1993. С. 3-22.
2. Мережковский Д.С. Петр и Алексей. М.: Прометей, 2004. 496 с.
3. Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: Мерани, 1991. 382 с.
4. Любимова Е. Трилогия «Христос и антихрист» // Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1990. 764 с.
5. Гюльназарян Н.Е. Теоретические основы художественной концепции личности в историческом романе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусство-ведение. 2009. Вып. 1. С. 17-20.
6. Минц З.Г. Из трилогии Д.С. Мережковского, «Христос и Антихрист» // Мережковский Д.С. Христос и Антихрист. Книга Merezhkovsky D.S. Christ and the Antichrist. М., 1989. С. 223-241.